

Крыстына Чіпіцка

Заметки о судьбе "Доктора Живаго" в Польше

Studia Rossica Posnaniensia 24, 67-73

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЗАМЕТКИ О СУДЬБЕ ДОКТОРА ЖИВАГО В ПОЛЬШЕ

DOCTOR ZHIVAGO IN POLAND

КРЫСТЫНА ЧИПИЦКА

ABSTRACT. The work considers the reception of *Doctor Zhivago* in Poland until 1957. After that the problems connected with the publication of the novel until 1987, when it was again published, are discussed.

Krystyna Czypicka, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska-Poland.

В Польше творчество Бориса Пастернака как до войны, так и после ее окончания пользовалось симпатией многих читателей. Однако у поэта были также и противники, критикующие его способ перцепции мира, восприятия им окружающей нас действительности. Имя советского поэта часто появлялось в нашей литературной печати во второй половине двадцатых годов благодаря Вл. Броневскому и Вл. Слободнику, а также в тридцатые годы благодаря М. Яструну, К. А. Яворскому, С. Полляку и другим. Потом Пастернак на много лет исчезает со страниц журналов, чтобы снова вернуться в 1956 году. В это время начинают появляться новые переводы его стихотворений, а рядом с ними критические обсуждения и очерки, посвященные поэту и его творчеству¹.

Однако более важным оказался 1957 год. Тогда-то, в первом номере ежеквартального журнала, посвященного советской культуре, „Опиние” („Opinie”) появились отрывки прославленного сегодня произведения Бориса Леонидовича *Доктор Живаго*. Фрагментарный перевод романа, сделанный М. Монгирдовой, стал первым зарубежным изданием произведения Пастернака². Кроме того, этот перевод долгие годы был единственным следом существования *Доктора Живаго* в Польше.

Причины такой издательской паузы, касающейся, конечно, официальной типографии, надо искать на родине Пастернака. Прежде всего нам надо познакомиться с жизненной ситуацией писателя в СССР, с его

¹ Подробные сведения, касающиеся рецепции творчества Б. Пастернака в Польше см.: Z. Zbyrowski, *Poezja Borysa Pasternaka w Polsce*, „Slavia Orientalis” 1965, № 1, с. 83-100.

² B. Pasternak, *Doktor Żiwago* (frag.), tłum. M. Mongirdowa, „Opinie” 1957, № 1, с. 14-41.

позицией в стране, надо осознать роль, которую играл этот большой писатель в художественной и общественной жизни Советского Союза.

С самого начала своего творческого пути Пастернак считался поэтом трудным. Своеобразность, оригинальность и многоаспектность его произведений – это причины невозможности классификации их ни в каких разрядах. Борис Леонидович волновал критику своей индивидуальностью, отличием от других творцов, волновал тем, что был кем-то особенным, человеком, который сумел смело встать на защиту творческой свободы. Пастернак со своими произведениями не укладывался в рамки советской действительности и поэтому критика тридцатых годов обвиняла поэта в уходе от действительности, в его якобы безразличии к общественным проблемам³. Все это стало причиной художественного кризиса Пастернака. Однако благодаря этому кризису, из отчаяния писателя возникнул – как сказал сам автор – *Доктор Живаго*⁴.

Пастернак предлагал публикацию *Доктора Живаго* нескольким советским издательствам и журналам, но только в московском „Новом мире” роман приняли в печать. Между тем писатель передал копию рукописи Джианджиакомо Фельтринелли, тогда директору коммунистического издательства в Милане. Некоторое время спустя московское издательство обратилось к Пастернаку с просьбой отсрочить на полгода публикацию романа в Италии (столько времени требовалось для одновременного выпуска книги в СССР). После истечения этого срока советское издательство попросило писателя взять обратно рукопись из Милана, ибо – как говорилось – в текст романа надо внести некоторые поправки; вариант же, напечатанный за рубежом, должен соответствовать тексту, опубликованному в Москве⁵.

Московский *Доктор Живаго* был для Пастернака очень важным и поэтому писатель изо всех сил старался выполнить все просьбы издательства „Новый мир”. Борису Леонидовичу удалось отсрочить на полгода публикацию романа, но взять назад свое произведение он уже не мог. Оказалось, что книга как раз находилась в печати; опять отсрочить ее выпуск итальянская редакция не согласилась⁶. В 1957 году *Доктор Живаго* был напечатан в Милане⁷. Год спустя Шведская Академия присудила Нобелевскую премию в области литературы советскому писа-

³ Об этом пишут напр.: Z. Zbyrowski, ук. соч., с. 92; S. Pollak, *Ruchome granice*, Kraków 1988, с. 173.

⁴ Ср.: отчет о разговоре, проведенном группой зарубежных корреспондентов с Б. Пастернаком: W. Burchett, „Świat i Polska” 1958, № 13, с. 14; тот же, „Życie Literackie” 1958, № 10, с. 1-2.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ B. Pasternak, *Il dottor Žiwago. Romanzo*, Milano·1957.

телю, именно Борису Пастернаку. В сообщении говорилось, что премия присуждается за его творчество в целом; однако было ясным, что выше всего оценили *Доктора Живаго*⁸. В этот момент возвращается и усиливается волна упреков, нападок и преследований, направленных на писателя. Язвительной и необоснованной критике были подвергнуты и произведения Пастернака, и факт присуждения ему Нобелевской премии. Советская пресса подрывала обоснованность присуждения самой высокой в мире премии своему писателю. Она утверждала, что награждение „не имеет ничего общего с объективной оценкой собственно литературных качеств творчества Пастернака, связано с антисоветской шумихой вокруг романа *Доктор Живаго* и является чисто политической акцией, враждебной по отношению к нашей стране и направленной на разжигание холодной войны”⁹. О самом Пастернаке писали, что он стал орудием буржуазной пропаганды, объектом спекуляций, подчеркивали моральное и политическое падение писателя. Более того, пресса отмечала, что вся деятельность Пастернака не совместима со званием советского писателя и направлена против традиций русской литературы, против народа. Само произведение, в свою очередь, наделено следующими „комплиментами”: идея романа фальшивая и ничтожная; *Доктор Живаго* обнаруживает только непомерное сомнение автора при нищете мысли; книга Пастернака – произведение ехидное, в художественном плане ничтожное, прополненное ненавистью к социализму; *Доктор Живаго* это поверхностная, подлая и жалкая „работа”. Это лишь некоторые из опубликованных высказываний на роман и его автора¹⁰.

Подавленный такой реакцией советской критики, окруженный врагами, писатель отказался принять премию Шведской Академии. В это же время его исключили из числа членов Союза писателей СССР. Это решение было принято единогласно на общем заседании президиума правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей

⁸ Сообщения о присуждении Пастернаку Нобелевской премии были опубликованы между прочим в: „Głos Pracy” 1958, № 258, с. 2; „Nowe Czasy” 1958, № 45, с. 2; „Słowo Powszechnie” 1958, № 256, с. 2; „Trybuna Ludu” 1958, № 297, с. 2; „Życie Warszawy” 1958, № 255, с. 1.

⁹ „Литературная газета” 1958, № 128, с. 2.

¹⁰ Там же, с. 2-4; О действиях члена Союза писателей СССР Б. Л. Пастернака, несовместимых со званием советского писателя (постановление президиума правления Союза писателей СССР и др. об лишении Б. Пастернака звания советского писателя и исключении его из числа членов Союза писателей СССР), „Литературная газета” 1958, № 123, с. 3; *Гнев и возмущение. Советские люди осуждают действия Б. Пастернака*, „Литературная газета” 1958, № 131, с. 3; Д. Заславский, *Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка*, „Правда” 1958, № 299, с. 4.

РСФСР и президиума правления Московского отделения Союза писателей РСФСР. Пастернака лишили также звания советского писателя¹¹.

Во всей этой скандальной, негуманной и бесчеловечной травле Бориса Леонидовича особенно возмущает то, что советская пресса однозначно критиковала и публично порочила произведение, которого отечественные издательства никогда не печатали. Следовательно, текст *Доктора Живаго* не был известен потенциальному читателю. Пресса подсказывала людям, а собственно, принуждала их к отрицательному определению своего отношения к неизвестному им произведению и его автору.

Другим печальным фактом является то, что никто не хотел обратить внимания на все усилия и старания Пастернака, связанные с публикацией *Живаго* в его стране, никто не хотел заметить компромиссов, на которые пошел писатель (имеем в виду просьбы московского издательства), никто в конце концов не подумал, что журнальная полемика, вызвана Нобелевской премией, проходила будто вне круга деятельности Пастернака. Для него самого, вероятно, вся эта политическая кампания вокруг романа была большой неожиданностью.

В письме от 5 ноября 1958 года, направленном в редакцию газеты „Правда“¹², Пастернак пробовал дать отпор всем ударам, которые падали на него со всех сторон. Там он писал, что у него никогда не было намерений принести вред своему государству и своему народу, никогда также не утверждал, что всякая революция есть явление исторически незаконное, а одним из беззаконий являлась Октябрьская революция, что она принесла России несчастья и привела к гибели русскую интеллигенцию. Но труд, награжденный Нобелевской премией, дал повод к такому толкованию и поэтому писатель от премии отказался.

Неудивительно, что после такой антипастернаковской кампании писатель был утомлен и психологически убит. Но, видимо, он был также и серьезно испуган, о чем свидетельствует письмо Н. С. Хрущеву. В нем Пастернак писал: „Выезд за пределы моей Родины для меня равносильен смерти, и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры“¹³. Разве у Пастернака были основания думать, что обойдутся с ним так, как это сделают через несколько лет с Солженициным?

Такова закулисная сторона судеб *Доктора Живаго* и его автора. Ложное представление о Пастернаке и его труде приняла польская журналистика второй половины пятидесятых годов. В это время, хотя оно характеризовалось так называемой „оттепелью“, недоброжела-

¹¹ Текст постановления см.: „Литературная газета“ 1958, № 129, с. 3.

¹² Текст письма см.: „Правда“ 1958, № 310, с. 4.

¹³ Цит. по: „Литературная газета“ 1958, № 132, с. 3.

тельно смотрели на кого-то или что-то, что выходило за установленные кем-то рамки. Следовательно, и у нас печатались пасквильные информации о *Докторе Живаго*, цитировались, за советской печатью, фальшивые отзывы о его авторе, повторялись отрицательные или не очень лестные „рецензии” на книгу, опубликованные в западной печати¹⁴ (о положительных не говорилось). Журналисты и редакторы польских литературных газет считали своей обязанностью передать именно такую информацию своим читателям¹⁵. Приверженность к мнениям советской критики была вызвана вовсе не отсутствием объективизма или некритичностью. Более важную роль играл тут аспект политический. Польской журналистике не хватало отваги, чтобы выступить против того, что раньше было написано в СССР, и, подчиняясь этим порядкам, она не смела публиковать *Доктора Живаго*.

Однако не все поляки молчали. Польская эмиграционная критика положительно отозвалась об известном на международной арене труде Пастернака¹⁶. Особенно активно действовал в этом отношении Лондон и Париж. (Обращаем внимание читателя на то, что уже тогда – в 1958 году – фамилия Пастернака находилась в плеяде таких звезд польской эмиграции как: Г. Херлинг-Грудзински, Т. Новаковски, Я. Саковски или Ч. Милош).

Между прочим, отсутствие какого-нибудь шанса на публикацию *Доктора Живаго* в Польше (и в СССР) стало причиной того, что делом этим занялась редакция, издаваемого в Париже ежемесячника „Культура”. Благодаря Д. Фельтринелли, издателю *Доктора Живаго* в Милане, который бесплатно предоставил права на польское издание, благодаря Конгрессу свободы культуры в Париже, который дал деньги на перевод, а также благодаря Ч. Э. Мерриль (младшему) из Бостона, который оказал материальную помощь, редакция „Культуры” претворила

¹⁴ Ср. напр.: *L. Oszanin o B. Pasternaku* (referat wygłoszony na Plenum Zarządu Moskiewskiego Oddziału Pisarzy), „Nowa Kultura” 1957, № 7, с. 12; „*Vie Nuove*” o *Doktorze Żywago*, „*Życie Literackie*” 1958, № 3, с. 11; *Echa decyzji o przyznaniu Nagrody Nobla B. Pasternakowi*, „Trybuna Ludu” 1958, № 299, с. 6; Pasternak usunięty ze Związku Pisarzy ZSRR (omówienie uchwały prezydium Zarządu Związku Pisarzy ZSRR), „Trybuna Ludu” 1958, № 302, с. 2; O postępkach członka Związku Pisarzy ZSRR B. Pasternaka uwłaczających tytułowi pisarza radzieckiego (tekst uchwały dotyczącej usunięcia B. Pasternaka ze Związku Pisarzy ZSRR), „Literatura Radziecka” 1959, № 1, с. 179-180; *Prowokacyjny wypad reakcji międzynarodowej*, „Literatura Radziecka” 1959, nr 1, с. 181-184.

¹⁵ См.: заявление редколлегии ежемесячника „Literatura Radziecka” 1959, № 1, с. 178-179.

¹⁶ Ср. напр.: W. Junosza, *Zakłamanie i perfidia*, „Syrena” 1958, № 44, с. 1-2; Collector [J. Sakowski], *Szekspir, Goethe i „Dr Żiwago”*, „Wiadomości” 1958, № 11, с. 5; G. Herling-Grudziński, *Doktor Żiwago*, „Kultura” 1958, № 12, с. 17-19.

в жизнь выход 2500 экземпляров *Доктора Живаго* на польском языке. Это было в 1959 году. С русского языка текст перевел Ежи Стемплевски, известный под псевдонимом Павел Хостовец. Стихотворения, представляющие собой своего рода приложение к книге, перевел Юзеф Лободовски¹⁷.

Сразу же после опубликования романа появились голоса, упрекающие работу Хостовца в русизмах и языковых ошибках. Переводчику пришлось защищаться. Не везде он признал себя виновным. Во многих случаях – как говорит сам Хостовец – ему не хватало словарей: Б. Линде и Я. Карловича. Зато что касается русизмов, то они не являлись ошибкой или недостатком. Хостовец утверждал, что он применил такие обороты и выражения намеренно, с целью передать русский климат, русскую стихию. Приблизительно так же – замечает переводчик – делал сам Мицкевич¹⁸.

Доктор Живаго под покровительством „Культуры” и в этом же переводе переиздавался в 1967 году с той лишь разницей, что к этому изданию была добавлена, переведенная Я. Лободовским, стенограмма собрания московских писателей (31.10.1958 г.), состоявшегося с целью обстоятельно рассмотреть дело Пастернака.

Этим изданием кончаются зарубежные публикации романа на польском языке. Надо сказать, что невозможность опубликовать произведение Пастернака в Польше привела к тому, что „парижский” текст стал распространяться подпольно. В 1973 году в Варшаве вышли из печати Пастернаковские *Воздушные пути*¹⁹. В них польские читатели могли найти два проташенных фрагмента *Доктора Живаго*. Они озаглавлены: *Тетя Оля* и *С нового романа о 1905 году*²⁰.

Только восьмидесятые годы принесли действительные изменения как в нашей стране, так и в Советском Союзе. Изменения эти охватили также такую область культуры какой является литература²¹. В 1987 году в конце концов легально *Доктор Живаго* поступает в польские журналы. В популярном еженедельнике „Политика” был опубликован короткий фрагмент романа; „Жице литерацке” („*Życie Literackie*”) печатало произ-

¹⁷ B. Pasternak, *Doktor Żiwago*, przeł. P. Hostowiec. Wiersze w przekł. J. Łobodowskiego, Paryż 1959.

¹⁸ P. Hostowiec, *Puryzm językowy a przekład*, „Kultura” 1960, № 9/155, с. 114-117.

¹⁹ B. Pasternak, *Drogi napowietrzne*, Warszawa 1973.

²⁰ Нигде нет малейшей пометы, говорящей о том, что это фрагменты *Доктора Живаго*.

²¹ Напр.: В 1987 году появилось советское книжное издание *Доктора Живаго*, а в еженедельнике „Новый мир” роман печатался в отрывках; в этом же году Президиум совета советских писателей отменил решение 1958 года, связанное с личностью Пастернака и его творчеством.

ведение, начиная с одиннадцатого номера, в 43 отрывках; „Аргументы” – в 50 отрывках²².

Наконец книжное издание *Доктора Живаго* Бориса Пастернака в интересном переводе Эвы Роевской-Олеярчук было осуществлено в Польше Государственным издательским институтом в Варшаве в 1990 году.

²² В. Pasternak, *Doktor Żywago* (frag.), przeł. M. Mongirdowa, „Polityka” 1987, № 9, с. 9; В. Pasternak, *Doktor Żywago*, przeł. J. Śniatyński, „Życie Literackie” 1987, № 11-52; 1988, № 1-2; В. Pasternak, *Doktor Żywago*, przeł. M. Mongirdowa i В. Grodzicki, „Argumenty” 1987, № 11-51/52; 1988, № 1-10. С 14 номера перевод исключительно Гродзицкого.